

но, так как в данный исторический момент далеко не за всеми взглядами его могло быть признано право гражданства. Он старался извернуться «эзоповым языком». Иногда и это не удавалось. Тогда озлобленный до физической боли на судьбу, «запечатавшую его душу», устроившую так, что читатель, может быть, и любивший его, бессильно отсутствовал, не шел на помощь к нему, который только и «горел» ради этого читателя, истрадавший писатель писал картину, которой сам не верил, когда проходил пароксизм отчаяния. Такова, между прочим, «История одного города». Вещь эта неподражаемая и поэтически правдивая во многих частностях, в общем породила относительно ее автора подозрения в политическом индифферентизме, ибо не индифферентисту, действительно не видящему в целой истории народа ничего, кроме сплошного тупоумия, остается только наложить на себя руки, чего Щедрин не сделал. Но в том-то и разгадка, что на самом деле Щедрин вовсе не был о русском человеке такого плохого мнения, как сам уверяет «Историей одного города», он только мстил этим страшным глумлением сквозь слезы — мстил предмету своей страстной любви; русскому человеку за то, что тот слишком мало любил самого себя! Но ведь «много возлюбившему много и простится...» В данном случае и прощать-то нечего, а приходится благоговейно чтить память *столько и так возлюбившего!*

«Восточное обозрение», 1889. № 19, 7 мая. Выверено по рукописи. ГАИО, ф. 593, ед. хр. 66.

Н. И. НАУМОВ

Посвящается тридцатилетию литературной деятельности

Почитатели таланта и литературной деятельности Николая Ивановича Наумова, как и земляки его, к 26 октября положили ознаменовать тридцатилетие его литературной деятельности выражением приветствия и своего сочувствия. Этот день будет памятен для писателя — он будит различные чувства и воспоминания.

Как его со товарищ и свидетель развития его литературного таланта, я позволю себе посвятить ему свои воспоминания. С Н. И. Наумовым я познакомился еще в Томской гимназии; в это время он уже много читал и увлекал своих товарищей рассказами из прочитанного. Он обнаруживал способности в рисовании и очень рано, лет с 15 или 16, начал писать. Писал он в это время много, подражая Гоголю и Лермонтову. Писал стихи, повести, рассказы и т. д. Все это были юношеские опыты и пробы молодых расправляющихся крыльев.

Выйдя из гимназии, он поступил на военную службу. Но, пробыв три года юнкером, решил уехать учиться в Петербург в университет. Здесь мы с ним опять встретились. Это было в 1861 году во время особого оживления литературы. Н. И. Наумов, дости-

гнув заветных целей — Петербурга, — мечтал о литературной деятельности. В его распоряжении был уже не юношеский опыт, но и некоторые наблюдения из житейской среды и из проведенных последних лет военной жизни. В 1861—1862 годах ему удается познакомиться с редактором «Светоча» Милюковым и с кружком, группировавшимся около редакции. Я помню, как приходил Николай Иванович с редакционных вечеров, в каком он был восхищении, сколько было рассказов о встречах, знакомствах; он чутко прислушивался к тому, что говорилось, как он исполнялся высокого назначения литератора. Призвание его было решено.

Жилось тогда не очень хорошо начинающему писателю; средств не было, нужда, иногда поесть нечего. Но высокие надежды впереди, и бодро просиживались за работой ночи в бедной студенческой комнате, и вдохновенно писалось.

Первые очерки, помещенные Николаем Ивановичем в «Светоч» тридцать лет назад, были очерками из военного быта. Он взял жизнь солдата, которую наблюдал: уже в этих очерках сказалось его направление и тяготение к среде народа и крестьянства. Помню, какое впечатление это произвело на автора и его приятелей. Наконец, он достиг главного: он напечатался, он литератор. Это было торжество, это был праздник, который мы справляли. Довольные, веселые, оживленные, мы сидели в его бедной квартире, а он торжествовал как именинник. С каким благоговением перелистывались свеженькие странички журнала с его статьей...

За первым произведением началась писательская жизнь. Оказалось, печататься не так легко, как думалось. Начался поденный труд, труд нужды, труд для хлеба. Николаю Ивановичу нелегко достались первые шаги. В это время Николай Иванович становится сотрудником «Искры» и вступает на поприще обличительной литературы, обрисовывая томскую жизнь. Его обличительные очерки производили сенсацию. Но в «Искре» он участвовал недолго. Он искал заработка в «Военном сборнике», выполняя черную секретарскую работу, и только в 1863 или 1864 году появился его талантливый очерк «У перевоза» в «Современнике».

Необеспеченность и тяжелая жизнь скоро заставили молодого писателя оставить Петербург. Он поехал в Сибирь и несколько лет провел на службе в Томской губернии. Здесь он встретил массу злоупотреблений, особенно на Алтае. Это было гнездо взяточников, золотопромышленной наживы; золото растлевало все кругом, у крестьян не было защитников и покровителей. В это время перед народным писателем развернулся еще шире мир обойденного крестьянства в захолустной местности со всею глубиною его несчастья. После нескольких следствий и столкновений Н. И. Наумов оставляет службу и опять уезжает в Петербург.

Мы встретились с Николаем Ивановичем в 1876 году, лет через тринадцать, опять в Петербурге. Это был не восторженный краснощекий юноша, но уже измученный жизнью писатель. Он передал мне грустную повесть своих испытаний, нужды. Здоровье

его было расшатано, и он был так плох, что ему нужно было выехать, хоть ненадолго, на юг (помог Литфонд). И это в то время, когда готовы были уже его очерки из народного быта, составившие его известность как народнического писателя. При таких обстоятельствах выходит очерк за очерком в «Деле», в «Русском богатстве», в «Слове» и, наконец, издается известная книга «Сила солому ломит». Имя писателя становится популярно, он находит настоящую оценку, но «лавры» не облегчили его жизнь.

В 1884 году Н. И. Наумов, будучи уже семейным человеком, должен был покинуть Петербург и для обеспечения семьи отправиться вновь на службу в Сибирь. Я встретил его через два года «чиновником по крестьянским делам» в маленьком уездном городке Мариинске. Жизнь литературных кружков, многосторонняя жизнь столицы сменилась захолустьем безжизненного, молчаливого городка. Зато рядом была знакомая среда крестьянства и его интересов. Н. И. Наумов уже несколько лет живет этой жизнью и теперь занимает подобную же должность в Томске. Его служебные занятия, в общем, соответствуют его наклонностям, намеченным им задачам помогать, защищать крестьянскую среду.

К прежним наблюдениям накопились новые.

— Много, много накоплено, много очерков начато, — говорил он мне год назад. — Да ведь все время занято службой, когда же литературствовать!

Я видел у старого товарища ту же наблюдательность, тот же тонкий юмор, добродушие и изредка горький смех...

Как народный писатель Николай Иванович Наумов в своей литературной деятельности был оценен и займет свое место среди писателей-народников.

«Русские ведомости», 1892, № 298, 28 октября.

О ГЕЙНЕ

Сейчас в деревне на родине я прочел о семейной жизни Генриха Гейне и его отношениях к жене. Я прочел это извлечение из недавно опубликованной переписки с большим интересом, так как Гейне был мой любимый поэт, а о его сердечных привязанностях я мало имел понятия.

О Гейне составилось представление как о человеке, который был очень легкомыслен, ветрен, имел множество романов и неспособен был к сильным привязанностям и постоянству. Я не верил этому, потому что в каждом куплете и в каждой искорке его поэзии проявлялось больше истинного чувства, чем в целой истории буржуазного брака со всеми оттенками буржуазного довольства. Гейне глубоко понимал страдания любви, весь яд ее и всю болезную слабость; он знал, что сильная любовь смертельна и что ничего на свете нет, чего бы не сделал для нее человек. Есть многое, что в глазах людей стоит выше этой любви, благо тому,